

18+

АЛЬМА

ОЛЬГА СОЛОМАТИНА

Ольга Соломатина

Альма

«Издательские решения»

Соломатина О.

Альма / О. Соломатина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960279-4

Раннее утро 1 января. Заснеженная ледяная Москва, я еду домой в машине с детьми, играет финальная ария оперы *Carmina Burana*. На перекрестке все машины останавливаются, включился красный. И только одинокий серый «Фольксваген» медленно по льду плывет дальше. И так же медленно ему в бок въезжает зеленый «Форд». Неловкое неосторожное движение иногда может изменить планы на день и даже целую судьбу. Через семь лет мимолетное впечатление превратится в эту книгу.

ISBN 978-5-44-960279-4

© Соломатина О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Альма

Ольга Соломатина

Дизайнер обложки Алексей Домра
Корректор Татьяна Кришталовська

© Ольга Соломатина, 2020

© Алексей Домра, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-0279-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Я не готов жениться, Альма, прости! Давай подождем еще год, – сказал он, и я задыхнулась от боли и страха.

И это после почти трех лет встреч и расставаний, моих перелетов в Гамбург и его – ко мне, ужинов на бис для мамы, тонн «я скучаю-скучаю-скучаю» и одного «теперь ты моя», утра, когда мы решили пожениться, пробки от шампанского, которая чуть не разбила плафон люстры, когда у отца дрогнула рука, длинных счетов за разговоры по телефону, планов о том, как я перееду, планов завести парочку младенцев, планов переехать в старости в Ниццу?! Чего нам еще ждать?

Я представила сердитый голос мамы, когда скажу, что лечу обратно. Папу, который всего неделю назад впихивал в такси чемодан, с которым я уезжала навсегда. И что же – папе теперь тащить чемодан брошенной невесты снова?! Чувствовала я себя именно брошенной.

– Фолькер!

Жених молчал. Раздраженно барабанил безымянным пальцем по подлокотнику дивана. Как ногтем по стеклу.

И тут я вспомнила, сколько документов собрала, чтобы перебраться в Гамбург, из моей школы искусств. Чтобы легче было перевестись в местный университет, я подала документы и ждала ответа. И, конечно, уезжая навсегда, я уволилась! Зачем? Чего нам ждать и что мне теперь делать?

Я набросилась на Фолькера с вопросами, как с кулаками.

– Есть другой план, – не глядя мне в глаза, сказал он.

Дальше я слушала и не верила. Жених рассказывал, что его друг Поль совсем не против на мне жениться. Не по-настоящему, понарошку. И тогда я смогу остаться в Гамбурге, учиться, пока он разберется с документами. Так мы посмотрим, как наши отношения будут развиваться, и все решим.

Я даже перестала плакать, я будто заморозилась.

Зачем это нужно Полю? Ну как, тогда он будет платить меньше налогов. А еще? Как не понимаю? Ему же одиноко одному!

Дальше, как в тумане. Вечером я стояла на пороге квартиры Поля. Он деловито показал все три комнаты с окнами в сад, будто я собираюсь снимать его квартиру. Извинился, что спальня одна, зато кровать большая. Потом мы пили вино в гостиной с высоченными потолками, под полками с сотнями книг.

Квартиру и книги оставила Полю бабушка. Кроме нее, мальчика никто в семье не любил. Большая часть книг в библиотеке была на французском – родном языке бабушки, который внук не знал, но не выбрасывать же?

Он заговорил об азиатских женах, которые все популярней в Германии.

Я зачем-то стала читать вслух стихи на английском и французском, пересказала почти полностью мою диссертацию о костюмах трубадуров.

Было так тоскливо, что все время хотелось сбежать, и даже уже не к Фолькеру, а непонятно куда. Спасало только вино. Я чувствовала: Поль готов жениться на мне не только понарошку. В его глазах вспыхивали большие надежды.

Утром я проснулась в одежде на том же кресле под книгами на французском. На столе среди бутылок и бокалов нашла ключ от квартиры Поля и листок бумаги, на котором он нарисовал красной помадой (моей помадой!) сердечко.

Я перевернула листок и тоже помадой написала на нем неприличное слово по-английски на букву F. Я открывала книги и писала это слово на титульных страницах, пока не закончилась помада. Но у меня было еще две и бордовый блеск для губ.

Стало чуть лучше.

Прошлась по квартире и обнаружила, что обе подушки в спальне набиты настоящим пухом. Еще там была пуховая перина. Толстенная. Я о таких только читала.

Вскоре все три комнаты, ванная и кухня были покрыты перьями, как снегом. Ветер из приоткрытого окна гонял пух по комнатам. И тогда я решила, что мне пора.

Такси доставило меня сразу в аэропорт. А уже после обеда я была в Париже. Домой в Люксембург я гнала на арендованной машине. Кусала ногти и плакала. Мальчики мне даже не звонили.

Глава 1

Прошло 13 лет

19 декабря

Если бы я решила написать о себе книгу, она бы начиналась словами: «Сегодня понедельник, 19 декабря, осталось ровно пять дней до Рождества. Сейчас раннее утро, и в километре семистах восьми метрах от меня, если верить навигатору, моя мать надевает черное шелковое платье (не по погоде, но оно подчеркивает ее тонкие щиколотки), собирается на кремацию отчима. Я на похороны не поеду. Нет, я не бесчувственное создание, даже наоборот. У меня просто больше нет сил смотреть премьеру третьей версии фарса „Безутешная вдова“. Почему третью? Потому что сегодня – похороны моего третьего отчима и четвертого официального маминого мужа. Первым был мой отец».

Но я не пишу книгу, я заполняю летящими разноцветными каракулями утренние страницы – три листа А4, которые доктор Джулия (мой терапевт) посоветовала мне писать каждое утро, прежде чем нырять в новый день. Я записываю все, что приходит мне в голову, чтобы мысли оставались на бумаге, а не бродили по кругу.

Я пишу разноцветными ручками или фломастерами – это очень удобно, не нужно прилагать усилия, которых требует шариковая ручка. Мы ведь поколение большого пальца, больше печатаем, чем пишем от руки. А разноцветные каракули позволяют диагностировать свое настроение, даже не читая текст. Сейчас я пишу голубым, а о кремации вопреки традиции траура – алым. Совпадение или предчувствие? Я учу испанский, и буквально неделю назад мы проходили прошедшее время. Среди короткого списка исключений оказался глагол *muerto* (умер), я случайно записала его рядом с *el* (он), и, когда я увидела совпадение на странице, настроение резко упало. Хотя это же так глупо. Я все думала: кто должен умереть? И, чтобы отогнать беду, стала конструировать пример с испанским конкистадором: *El ha abierto America y ha muerto* (он открыл Америку и умер). А потом оказалось, что отчим болел, а мне просто не говорили. Жаль его.

Листок с глаголами в прошлом времени так и висит у меня на зеркале в ванной. Фиолетовые чернила на оранжевом стикере.

Но когда я бываю на родительских собраниях в колледже, Нина просит: только пиши обычной синей ручкой, пожалуйста, хоть в этот раз притворись нормальной. Я стараюсь.

Ах, да, совсем забыла, мне ведь нужно описывать и свои ощущения в теле, и что происходит в комнате вокруг, когда я пишу. Я учусь чувствовать себя заново. Или впервые? И так, в метре от меня за нашим модным дизайнерским столом из ледяной стали сидит Брюно и молча читает новости на iPad, наверное, про новый скандал в администрации президента Трампа. Но так только кажется, что читает. Если присмотреться внимательно, его взгляд замер чуть выше дисплея. Если проследить, куда он смотрит, я понимаю, что муж рассматривает стебли роз в прозрачной тяжелой вазе. У него на коленях благословенье нашей семьи – скотч-терьер Рин Тин. Мы завели его для Нины, которая не желала разговаривать с нами до своих целых пяти лет и так бы и дальше молчала, наверное, в укор мне. И не понятно ведь, что из трех вещей помогло, ведь все произошло одновременно: скотч-терьер, мои мольбы (я просила уже едва ли не на коленях) или запрет смотреть мультики до тех пор, пока Нина не произнесет свое желание вслух.

Вначале в меня летел пульт от телевизора, затем – собака. Не знаю уж, за что пес после этого так любит меня и Нину, я-то его нет. Хотя и кормлю, и вожу в парк гулять, когда остальным некогда. Просто Рин Тину требуется так много движения, а я единственная, кто всегда

дома, и весь его задор обычно достается мне. Или доставался? В последнее время пес заметно сдал. Придет, заберется на колени и сидит, греется.

Они смотрятся даже комично – муж и собака. Молчаливо разглядывают стебли цветов цвета увядающей розы, придумают же такое название! Сонный муж, сонный пес, Брюно отек после ночи, кажется, оба спят с открытыми глазами. Прямо тоска берет на них смотреть, хочется посильнее потрясти за плечо, крикнуть: «Эй! Ты меня слышишь? Да что с тобой такое?» Но я, конечно, не кричу, Брюно не выносит крик. И вот он уже поднял глаза на меня. Улыбнулся, а мне хочется пойти надеть второй свитер от его взгляда. Или открыть приложение с испанской грамматикой и делать упражнения. Зачем мне испанский? Пока не знаю.

Проклятая кремация. Она совершенно раскачала мне нервы. Почему Брюно молчит? Что в этот раз я сделала не так? Скорее бы этот день прошел, во всем мерещится беда.

И насморк меня замучил. Где мои салфетки? Такой холодный декабрь, северный ветер выдул все тепло из нашего дома, а оно такое дорогое. Прямо через подошву тапка чувствую, какой пол ледяной.

Не думайте, что я совсем ненормальная, но в такие моменты, когда ною из-за ерунды, я сразу слышу голос отца: «Альма-Альма, сейчас я скажу тебе, что за окном декабрь, и ты сильно удивишься, ведь ты забыла, что в декабре положено быть морозам». Я иногда даже вижу отца или его бледную тень в кресле в нашей гостиной или – как сейчас – на соседнем стуле с Брюно. Вот он бодр с самого утра и требует горячий плотный завтрак, а не пустой кофе, как мой муж. Я невольно продолжаю и сейчас их сравнивать, доктор это даже одобряет, рекомендует наблюдать за потоком мыслей и не оценивать его. Может быть, так происходит потому, что этот дом построили под руководством отца? Он продумал каждую деталь. И этот ледяной стол, и расположение комнат, и бледный салатный для деревянных панелей внизу, и бледно-серый – наверху. Я выросла в этом доме, а потом получила его в подарок. Может быть, папе было грустно расставаться со мной и он хотел задержаться хотя бы так?

И я начинаю по старой привычке раскачиваться на кухонном стуле, в такт медленным мыслям и прелюдии до-диез минор русского композитора Сергея Рахманинова в моей голове. Прелюдией я провалила экзамен («Ты играла так фамильярно, Альма, будто распивала с Рахманиновым чай из самовара»). Мечты рухнули, чем оправдаться? У меня просто нет твоего таланта, папа. Ведь это тебе казалось, что исполнять музыку так просто: нужно ударять по определенным клавишам в правильное время и все.

Ладно, не раскисаем. Пес зевает во всю маленькую вихрастую морду (пора звать парикмахера), а ведь Рин Тин кажется щенком, но, если приглядеться, давно стал собакой-старичком с седым усом. Он теперь редко кружит вокруг хозяина, когда тот в задумчивости не спеша идет по узким тротуарам вверх-вниз к парку в паре шагов впереди меня. Чаще они оба неторопливо переставляют ноги, иногда неловко оступаясь. Если Рин Тин по собачьим меркам переступил порог восьмидесятилетия, то Брюно чуть за 40. Ложится раньше кур и все равно не высыпается. Почему? Купить ему поливитамины? Весенний авитаминоз? Закажу сегодня.

Проклятье, я так долго пишу, а целая страница осталась. О чем еще написать? Конечно, вначале к утренним страницам я была настроена скептически, но пошла за любопытством. Джулия говорит, что больше всего пользы техника дает именно самым большим скептикам. И это правда.

В детстве я писала в дневниках, пока записи не довели до беды. А когда я переживала тяжелые недели, папа лежал в коме, записи спасли от беды уже меня. Это были самые тяжелые в моей жизни дни, множество противоречивых прогнозов, и я буквально бегала по потолку. Выручал дневник. Как только чувства зашкаливали, я брала блокнот и записывала все, что происходило в моей голове, ощущения в теле, свои эмоции. Так я обнаружила, что даже в шторме случаются короткие передышки – вслед за девятым валом страха и возбужденной работы ума следовало тихое принятие: все образует, никак не бывает в любом случае, так говорила моя

бабушка, которая пережила голодомор и оккупацию. Наверное, просто никто не может все время пребывать на гребне волны, даже в самый невыносимый момент. Благодаря записям теперь я не просто знаю, я прожила опыт того, что все проходит, что в периоды огромного напряжения есть минутка выпить чай с лимоном и мятой и момент – улыбнуться шутке. Даже забыться иногда удается.

И вот по рекомендации Джулии я снова пишу. Хотя я верю, что самое важное остается произнесенным, тишиной. Это как музыка. Она ведь тоже не в нотах, а в тишине между ними. Вы ведь знаете, о чем не можете сказать вслух. Я тоже. Вначале я сливала на бумагу все то, от чего старалась оградить близких – свое раздражение (почему только я всегда убираю со стола посуду?), тревогу (уроки давно закончились, почему телефон у Нины отключен?), тоску (снова ноябрь, и до тепла еще зимовать и зимовать). А еще – мысли, которые ходят в голове по кругу. Ты вроде бы их знаешь каждую наизусть, но они никуда не деваются, снова и снова думаются. Их я тоже стала выписывать. А еще – внутренние диалоги. С водителем автобуса, который, гад, закрыл двери прямо перед моим носом, с заказчиком о несправедливости, с учительницей математики, которая упорно ставит Нине двойки, с бывшими о многом, с мамой о том, где она была все мое детство. Мне иногда так тошно от своих записей, что хочется сжечь блокнот и уж точно никогда не перечитывать. Но.

Время идет, и я вдруг поняла, что в моей голове давно нет навязчивых сто раз передуманных мыслей, внутренний диалог-монолог с кем-то случается редко, в целом мне удалось освободиться от первого и второго, и даже больше – я научилась думать о том, о чем сама решила. О дизайне первой страницы сайта, которая никак не хочет складываться в логическую цепочку, о том, что помогает мне быстро наполниться энергией, а что забирает силы, о том, что хватит распалить себя после бриджа у мамы, поскольку бессмысленно переживать относительно того, что не можешь изменить. И знаете, если ждешь, решения приходят. Временами, кажется, даже сами собой. Я пишу в надежде навести порядок в своей жизни.

Пока Альма пишет, ей не узнать, что муж давно внимательно наблюдает за ней и думает: «Как же она погружена в себя! Каждое деление ее клеточек кажется ей самым важным, будто его стоит зафиксировать на века. Как я наивен, столько лет ожидая, что Альма перенесет внимание со своей драгоценной персоны, сияющей фарфоровой статуэтки на камине, и увидит в бледном свете раннего утра кого-то, кроме потока собственных мыслей и переживаний. Меня, Нину, Рин Тина, свою мать. Какая глупость – мои ожидания. Люди не меняются, избалованные девочки – тем более». И он тянется к пульту и включает телевизор, чтобы стало веселее.

Альма недовольно морщится от голосов телепрограммы, которые мешают ей сосредоточенно писать.

– Сегодня в столице Люксембурга превосходная погода, – преувеличенно бодрым голосом говорит диктор. – Плюс два, ветер северо-восточный, к вечеру, вероятно, пойдет снег. Или дождь. Не забудьте зонтики. И носовые платки!

«Мне бы твои силы, – думает Брюно, поглаживая пса по загривку, – и жизнерадостность твою тоже, но ты ведь не женат на мисс Идеальность, почто тебе печалиться?»

– Ты меня слышишь? – Альма дотянулась к Брюно через стол, с нежностью коснулась плеча. – Говорят, ветрено, достану шарф? Ты не представляешь, как меня мучит этот насморк. И пошла за шарфом, не дожидаясь ответа.

Что в ее записях? Вот бы прочесть хоть разок, о чем Альма строчит на бумаге каждое утро. Но жена прячет под замок в своей комнате все свои блокнотики. И даже потертую папку с фотографиями. Он видел случайно пачку старых снимков, когда вошел к ней без стука. Альма испугалась, быстро спрятала в желтый конверт и заперла ящик на ключ. Где она хранит этот ключик?

– Сегодня на машине, – говорит Брюно ей вслед. – Как ты думаешь, если нам выпить кофе... не дома сегодня?

Но Альма чихает и не слышит его, зовет в лестничный проем наверх: «Нина, осталось пять минут. Не хочу снова лечить твой желудок, поешь». Плотнее завернулась в кардиган, поежилась сонно. Как ей идет эта фланелевая пижама в дождевых облаках, какие тонкие щиколотки.

Брюно почти привык, что жена его перебивает, часто она задает вопрос, однако не слушает ответ. Он пытается подавить раздражение, но выходит плохо. С облегчением слушает над головой легкое движение – дочь наверху топает к ванной. Подумал с надеждой: «Не успеет на школьный автобус». Ну и хорошо, он рад отвезти Нину в школу. Жаль, что так ветрено, не пойдешь до школы пешком, но и хорошо – сил у него нет ходить. Брюно раньше пытался убедить себя, что погода не важна, нужно только правильно одеться. Но первый же порыв ветра с мокрым снегом развеивал символы его надуманной веры, а теперь еще и сил нет, совсем, он вечно уставший, сколько не спи.

Как хорошо дома, в тепле. Взять бы выходной, но Альма все время здесь, а она не должна пока знать, терпи! Пес согревает его колени, Брюно обнимает его, прижимает к себе теплое брюшко, поставил ступни на перегородку стула рядом – так ноги не мерзнут на холодном полу. В кухне пахнет кофе, и, если сидеть без движения, почти не чувствуешь усталости. Кажется, ушло бессилие, которое невозможно победить долгим сном или бездельем, кофе или длинными выходными. У него нет сил шевелиться. Брюно завидует кофеварке на горячей конфорке. Напольным часам в гостиной, которые появились в доме раньше, чем отец Альмы купил традиционное шале и расширил его за счет пристройки почти втрое. Но дорого. Нынче каждый метр его любви обходился им слишком дорого. Оставить Альме дом в подарок – просто издевательство.

Брюно устало качает головой и видит, как переливаются огоньки на елке. Она стоит между напольными часами и холодным камином прямо напротив кухонного стола из стали. Нарядная елка, с огромными красными бантами, как в его детстве в ГДР. Скоро Рождество, каникулы, можно отоспаться. И тут он вспоминает, что тянуть дальше невозможно, что он обещал жене и дочери поехать кататься на лыжах, и вздрагивает, с тоской представляя, как они расстроятся, когда Брюно признается, что поездку придется отложить. Но только не сейчас признаваться. Утром понедельника на откровенность не хватает сил. «Но ведь однажды, – думает он, – мать Альмы отправится вслед за ее многочисленными мужьями, и они унаследуют огромное состояние».

– А теперь традиционный репортаж с улиц нашего города, – бодро говорит диктор в телевизоре. – Сегодня наш корреспондент выходит с нами на связь с самого высокого моста Европы – 85 метров в высоту. Это высота небоскреба в 30 этажей, между прочим.

Камера проскальзывает вдоль горизонта и мельком показывает сразу весь Люксембург. Два берега города утопают в деревьях, видны добротные домики миллионеров. Камера поворачивается и приближается к группе людей посередине длинного моста из ржаво-алой стали, который соединяет в гигантском прыжке левый и правый берег.

– Как вы знаете, у моста, названного в честь нашей дорогой герцогини Шарлотты, сегодня круглая дата, – продолжает диктор. – Принцесса сердец, глава Люксембурга, которая в годы Второй мировой войны возглавила правительство в изгнании, чьему мудрому правлению в послевоенные годы мы обязаны процветанием нашего маленького герцогства. Передаю слово моему коллеге, Виктору Шульцу, который, несмотря на ранний час и промозглый ветер, встречает годовщину открытия моста, простите за каламбур, на мосте. Виктор?

Лицо репортера розовеет на ветру на мосте, вдруг его загораживает старичок в ярко-оранжевом дождевике прямо поверх шерстяного пальто, в фетровой шляпе с игривым переливающимся пером за тульей.

– Вот что я вам скажу, молодые люди, – басит старик. – В отличие от своей глупой старшей сестры, которая якшалась с нацистами, когда нас оккупировали в какие-то часы в первые дни войны, Шарлотта знала, что такое добро, а что такое зло. Я вожу экскурсии по нашей столице и все знаю.

– Так вы – гид? – Виктор решает взять прямой репортаж в свои руки. Его уже окружила группа экскурсантов, любители истории машут в камеру, блондинка в розовой куртке делает селфи на фоне телевизионщиков.

– Гид-гид, – старичок размахивает перед камерой своим удостоверением, запаянным в пластик. – Шарлотта боролась за нас, за нашу свободу, а потом так же, как и подданные, мерзла, в дворце не топили, – гид показывает рукой в сторону герцогского дворца за своей спиной. Камера послушно следует за его жестом. В метре от экскурсантов парень в черной куртке с капюшоном тоже всматривается в дымку на высоком берегу, где за кронами виднеются башни замка, запорошенные снегом. Как в рекламе или на рождественской открытке.

– Неужели ни одного полена? Откуда вам знать? – не отстает Виктор.

– Откуда я это знаю? – сердится старик. – Дым, молодой человек! Из дворца герцогини не шел дым! Ни из одного камина. Такое не утаишь. Молодой человек, молодой человек! Куда вы?!

Камера приближается, вначале картинка плывет, ловит фокус, и вот Брюно вместе с экскурсантами на мосту и тысячами зрителей шоу «Доброе утро, Люксембург!» видит, как парень (или девушка?) в капюшоне ловко запрыгивает на парапет моста, покачивается от порыва ветра и шагает над бездной.

Попросту говоря – прыгает без парашюта с самого высокого моста в Европе.

Горстка экскурсантов с криками бросается к перилам, все, словно замороженные, в ужасе смотрят, как черная фигурка летит вниз с высоты небоскребов. Зрители телеканала следят за полетом благодаря телевизионной камере. Рука Брюно замерла над головой пса, Альма зажимает рот ладонями.

Парень падал... нет, не в реку, в Люксембурге русло реки давно обмелело. Когда громадный ледник в доисторические времена прорезал здесь каменные породы и растаял, в память о себе он оставил огромные перепады высоты. Город живет на разных этажах, на первом и, скажем, сразу на тридцать втором. Этажи соединяют 111 мостов, легко запомнить.

Под мостами великого герцогства, и под мостом Шарлотты тоже, на жирной плодородной земле давно не текут воды. Там строят дома и живут самые богатые люди мира. На крышу особняка или в выверенный по последней моде регулярный сад в английском стиле и шагает с моста самоубийца. Потом окажется, что это была девушка.

Но экскурсанты не видят точно, куда она падает, от потрясения их спасает туман. В молочной дымке тонут черепичные крыши, верхушки платанов, красные стальные опоры моста.

Я наблюдала за падением в репортаже, а в последний миг отвела глаза. Я встала, чтобы взглянуть в окно и понять, на чью землю упал покойник в этот раз. Опять в мои клумбы, сминая кусты самшита, приземлится несчастное тело или не повезло кому-то из соседей? Знаменитому футболисту из маленькой латиноамериканской страны (однажды самоубийца спрыгнул прямо на его теплицу с орхидеями), банкирше из Цюриха (после того, как в один из дней бездыханное тело упало на ее порог, она пытается сбить дом), семье русских, которые всегда напряженно прятют глаза и не здороваются при встрече, телезвездочке, которая даже ночью

и в дождь ходит в солнцезащитных очках (вот ее консьерж вышел на крыльцо и машет мне рукой в белой перчатке)? А может, покойник снова упадет к нам – в сад главного дирижера Люксембургской оперы? Теперь уже бывшего. Не знаю почему, но самоубийцы выбирают для прыжка, как правило, центр моста, сторону, с которой лучше виден герцогский дворец, будто посылают наследникам престола на прощание свое отчаяние или просто всматриваются в красивый пейзаж. Кто знает. Но из-за этого странного выбора они часто приземляются прямо к нам или на головы наших соседей.

Не считайте меня бесчувственным чудовищем, просто ко всему привыкаешь. Мост Шарлотты вопреки стараниям полиции и властей стал самым популярным местом самоубийства для многих неприкаянных душ свободной Европы. И когда они, как звезды, прости господи, падают в твой или соседский двор несколько раз в месяц, начинаешь относиться к смерти... философски, что ли. Без драм. Тогда просто терпеливо ждешь, когда власти что-то придумают и кошмар прекратится. Узнаешь от полиции, что большинство попыток совершают вечером воскресенья или незадолго до Рождества – когда тают последние ожидания. Ведь самоубийство – потерянная надежда. Это когда одиноко («один в ночи») и на твой крик или всхлип никто не отвечает даже в шутку. Когда не знаешь, как еще объяснить, что тебе плохо, а люди вокруг думают, что ты спекулируешь на теме добровольного ухода из жизни. Хотя, по статистике, те, кто решается, обычно не говорят о своих планах. Они молча раздают дорогие им вещи, наводят порядок в столе, оставляют кота у приятельницы и делают шаг.

Ведь люди верят в чудо, в то, что выходные или каникулы подарят долгожданную встречу или прощение, возвращение или просто тихое доброе слово. А когда чудо обходит тебя стороной, ты особенно сильно чувствуешь себя лузером, которому нечего больше ждать, не на что надеяться, и прыгаешь... На головы обычных счастливых людей, которые ровно в то же самое время разыскивают под елкой подарки, жарят в саду барбекю, пересматривают сладкую слезоточивую киноисторию в объятиях любимого. Вот только неприкаянные души ошибаются – под мостом герцогини Шарлотты нет счастливых семей. Или я таких просто не знаю?

Если бы я выбрала их способ проститься с миром, то прыгала бы в самом начале рыжей, огромной и надежной конструкции. Там внизу дом, в котором давно не бывает хозяев, только прислуга, а после изумрудной лужайки – огромное темное озеро. Зимой оно покрывается льдом и при свете звезд переливается, как каток на Рождество, на котором мы с Брюно впервые увидели друг друга. Вот об этот лед я бы и бросилась с моста прямо в сочельник, чтобы символически нарисовать круг и поверить, что и не было ничего между нашей первой встречей на катке и моим катапультированием сейчас, все было только грустным сном.

Знаете, как в кино, когда героя возвращают в прошлое и дают шанс все исправить? А еще, когда прыгаешь с моста, о тебе пишут все местные газеты. Как еще мне попасть на их полосы?

Хм. Ничего себе, куда увело меня воображение! Ну и мысли гуляют в моей голове... Одно ясно: я дописала на сегодня утренние страницы, а Нине с Брюно теперь точно нужно поторапливаться, пока полицейские с черными целлофановыми пакетами не перегородили улицу.

– Хорошо, что дочка не видела репортаж, – шепчет Брюно.

Глава 2

На желтый школьный автобус я из-за прыгунка не успела. У нас не всегда с неба падают самоубийцы, просто в октябре известный рэпер прыгнул на спор (он был под кайфом) – и понеслось. Когда мы с папой выезжаем за ворота, Альма энергично машет нам вслед, раздвинула тяжелые шторы, но я делаю вид, что не вижу, что внимательно проверяю в боковое стекло, нет ли за воротами других автомобилей. Будто мы живем не на окраине города, а на рыночной площади, около торговли устрицами, которая с ранья выкладывает раковины на льду, разрезает пахучие лимоны и наливает улыбчивым туристам холодное белое. Все довольны. Но если вернуться к туристам минут через 30—40 и посмотреть, как глупо они улыбаются и стоят в распахнутых куртках на пронизывающем ветре, думаешь: никогда не стану пить. Или стану, но только дома, в комнате, когда никто меня не видит. Бр-р-р.

Я хотела опоздать на автобус, в котором меня всегда укачивает, где не сядь, да. Сегодня полугодовая контрольная по математике, и весь день накануне я старалась простудиться. Дышала открытым ртом по дороге домой с рисования, сняла шарф, когда шла, ела снег с кустов в парке, даже вышла босиком в одной рубашке в наш сад ночью, ждала, пока колотить не стало и луна не выглянула, но хоть бы что – утром измерила температуру, 36 и 6, ну как так? Я была уверена, что заболею хотя бы жутким насморком, когда глаза не открыты – слезятся, и не готовилась, но как назло – здорова. Зато теперь с папой есть шанс хорошенько опоздать на первую пару.

Папа вцепился в руль, он всегда соблюдает правила. Я бы поспорила, что в сервисе за рекой, куда мы всегда ездим менять масло или что там еще, на его серенький минивэн установили ограничитель скорости в 40 километров в час, когда увидели папино лицо. Я его, конечно, люблю, но как же можно каждое утро спускаться к завтраку с миной, будто ты вечером отравился и всю ночь блевал. Не понимаю, как Альма это терпит. Я ее, конечно, не люблю, но Альма красотка, тут не поспоришь, все девочки в классе мне завидуют. Дуры. Она мне даже не родная и ни разу не мать.

И вот мы только выезжаем такие за ворота, ворота еще пружинят, будто собираются дать нам хорошего пинка для ускорения, но за рулем ведь папа. Вот если бы выезжала бабушка на своем белом кабриолете, тогда да. А так – ползем вдоль забора, Альма машет, огибаем живую изгородь фрау как ее там из Цюриха, и нам навстречу полицейские машины с мигалками, вау-вау-вау, явно ограничение в 30 километров нарушают, но им типа можно, они на дело.

У папы даже лоб покрылся испариной, встали на перекрестке, посмотрели налево, направо, пересекли узкую улочку, я пешком и то быстрее хожу. И тут папа решил поговорить со мной о самоубийцах, ну самое время! Для профилактики, я знаю, но вашу ж душу! С тех пор как с моста прыгают, с нами все взрослые только об этом и говорят – и дома, и в школе. Берут тебя так доверительно за руку своими холодными или влажными ладонями, заглядывают тебе в глаза и спрашивают приторными голосами: «А ты однажды думала прыгнуть с моста?» Как будто ты такая дура, что расскажешь им всю правду по первому свистку, ага-ага.

Уж лучше бы папа предложил посчитать, сколько елок до кондитерской, будто я девочка-дебилка, которая как научилась в пять лет говорить и складывать одновременно, как согласилась считать елки на дороге, так, дура, и млеет от этого занятия до сих пор. Взрослые, одно слово. Что с них возьмешь?

Сама меняю тему, спрашиваю, играл ли папа в школьном театре, когда был таким, как я. Мы как раз стоим на первом светофоре на выезде из нашей деревни. В машине наконец-то нагрелось, можно стянуть перчатки. «Знаешь, Нина...» – говорит папа, отпускает тормоз, и машина потихоньку скатывается с горки назад, медленно и прямо в бледно-голубой ровер,

который стоит за нами. Брюнетка за рулем сигналит, машет руками, но уже поздно. Бум. И наш задний бампер разбивает ей переднюю правую фару. Папа вздрагивает, резко давит на педали, машина дергается и вуаля – мы уже выпрыгнули на встречную полосу. Второй мягкий удар. Супер. На контрольную я точно опоздала. Ура!

Елена останавливается на том же перекрестке и еще раз оглядывается в своем новеньком «Мерседесе». Какое удовольствие – подогрев руля, сиденья. Как муж любит ее, раз сделал такой подарок на день рождения! Поглаживает бумажный конверт, который как положила себе на колени, когда выезжала с парковки больницы, так бережно и держит его на коленях всю дорогу домой.

У нее есть для мужа сюрприз на Рождество, который лучше рукотворных вещей, как бы совершенны они ни были. Настоящее чудо. После стольких болезненных попыток им повезло, теперь это точно, 16 недель. Она расскажет ему сегодня вечером, когда вернется из оперы. Он возьмет ее на руки и закружит от счастья. Снег будет падать, как сейчас на лобовое стекло, но только не таять, кружиться за окном их квартиры. Высокие потолки, запах хвои, герцогский дворец на другом берегу. Вот оно, счастье – стать матерью. «Уже совсем скоро встреча с тобой, мой малыш». И Елена, не отдавая себе в этом отчета, впервые положила руку на живот под белоснежным пальто.

Поправила локоны в зеркале заднего вида. Странная все же идея идти в оперу в день кремации отчима, но мама так захотела. Спасибо, хоть от похорон ее освободила.

Светофор переключается. Елена потихоньку трогается. Что это? На проселочной дорожке справа от нее серый давно не мытый автомобиль дернулся на пригорке и рывками едет через встречную полосу. Бум – и он врезается в другую машину, для которой уже горит зеленый и которая успела начать движение. Машины останавливаются, и из серой, озираясь, удивленно выходит Брюно. Да? Так и есть, Брюно, муж Альмы – сестры Елены – и ее неудачник зять. Он будто не понимает, как такое могло случиться.

Бывают же такие невезучие люди! Для Елены зажегся красный, и она хорошо успела разглядеть и Нину на переднем сиденье автомобиля (хорошо хоть, пристегнута), и брюнетку из голубого ровера, которая спешит к Брюно, ругается тонким голоском. Так он две машины умудрился протаранить? Талант. Как только Альма умудрилась выйти за него замуж? А ведь мама говорит, Брюно еще ей и изменяет. Интересно, с кем?

Тик-так, дворники гоняют снежинки, тик-так. Загорается зеленый.

И Елена, кутаясь в свои уютные мысли, не останавливаясь, не здороваясь, равнодушно проезжает мимо.

Глава 3

Наш новый сосед-итальянец говорит: «Даже если я на диете, разве я не могу посмотреть меню?», когда его подруга ревнует и сердится, что он засматривается на других женщин.

По-моему, проблема не в том, что мужчины заглядываются на красоток, даже если обручены, даже если женаты, даже если превратились в дедушек под 80, а в том, что женщины перестают «смотреть в меню», как только новый приятель пригласит выпить по бокалу пива или поболеть вместе за его футбольную команду. Симпатичный брюнет, которого она по утрам встречает в электричке, везущей их обоих в Сити на работу, приветливо улыбнулся однажды – и все. Она уже хранит ему верность, придумывает фасон свадебного платья и имена детям.

Жаль, что мы, женщины, таковы. Природой что ли так устроены или это просто воспитание? Я не про измены, это совсем другое, я про легкость, игру, возможность просматривать варианты, от которых и я так легко отказалась. Я однажды читала, что в новых отношениях женщина расслабляется и за год прибавляет около трех кило веса. Как говорит мой диетолог, давайте разбираться с килограммами, накопившимися за годы безмятежной семейной жизни. Как легко отличить девушку в поиске отношений от той, что уже нашла? Первая всегда на каблуках и много смеется, привлекая внимание, носит яркие или летяще-прозрачные наряды, вторая – вечно в кедах и много читает, тяготеет к натуральному во всем – от материалов до цвета волос. А ведь не хочется наряжаться! И мне так давно просто не хочется носить каблуки, кеды – удобней. Я и весы выбросила, чтобы не расстраиваться. Даже вспомнить не могу переломный момент, когда я расслабилась (или сдалась?), когда жизнь покатила по колее рутины.

Годы пролетели на одном вдохе, и я вдруг обнаружила, что даже не помню момент, когда разучилась просто без продолжения улыбнуться незнакомцу на улице, не отводить смущенно взгляд, замечая, что кто-то рассматривает меня. А может, во мне и в юности не было игривой женственности? Мне ведь кажется, что мои жесты и походка остались прежними, как у неловкой девочки, которая еще не стала дивой и, вероятно, никогда уже не станет. Грустно.

Вот о чем думает Альма, когда машет из окна мужу и падчерице. А еще – новому соседу-итальянцу в доме через дорогу. Она пока обманывает себя, что любит родных всей душой, хотя уже заметила, что на сердце становится легче и радостней, когда остается в доме одна.

Всего час до важной давно назначенной встречи, которую теперь я бы с удовольствием отменила. Но сейчас слишком поздно давать задний ход. Я проводила Брюно и Нину, свободно вздохнула, поправила шторы и чуть не упала – споткнулась о пса, который топчется у входной двери на тапочках мужа. Провожу рукой по умной мордочке, нос холодный – кто же с тобой теперь погуляет, малыш? Я-то совсем расклеилась от насморка.

Рин Тин глядит на меня глазами-бусинами и скребет лапой дверь. Я решаю, что в этот раз тоже ничего страшного не произойдет, и выпускаю его прогуляться в одиночестве. Розы так розы, переживу, а он никуда не денется, забор укреплен после того, как Рин Тин убежал и его искал целый наряд полиции. А потом выяснилось, что виной всему соседская течная сука, с которой пес развлекался в гараже, пока мы носились по всему Люксембургу. До сих пор хочется провалиться сквозь землю, когда встречаю на улице фрау Марту и вспоминаю потомство лабрадор-скотч-терьеров и то, как мы их пристраивали.

Вдруг мой телефон все громче и громче напевает «Полет валькирий». «Мама» высветилось на дисплее. Я вздрагиваю, выключаю звук телефона, прячу поглубже в карман и приоткрываю входную дверь, подталкиваю пса: иди-иди. Он не спеша выходит за высокий порог.

– Замерзнешь, сам вернешься, – напутствую я пса. – А Нине мы не скажем.

Наверху глухой удар и следом – звон бьющегося стекла, резко захлопнулась входная дверь. Сколько дисгармоничных звуков сразу. Бегу по ступенькам вверх.

– Почему мне так не везет? – скажет Брюно, когда вернется в машину к дочери.

Вопрос повиснет в воздухе, потому что Нина так не считает. Она смотрит сквозь мутное лобовое стекло, как отец, неуверенно вышедший из автомобиля, покачивается на холодном ветру и рассеянно осматривает зеленый пикап перед собой, которому он слегка, но помял передним бампером крыло. Удивленно, будто только проснулся, как птенец, выпавший из гнезда. Беспомощный, шуплый, длинный. Нине его жалко и хочется логично приободрить: у нас страховка, это всего лишь железо. Папа не обращает внимания, не видит, как дочь размахивает через стекло серебристой карточкой страховой компании.

Замечает наконец девушку из автомобиля, к которому скатился с пригорка и разбил задним бампером левую фару. Она сердится, а следом и Брюно начинает раздраженно твердить, что девица не соблюдала дистанцию. Она бьет пальцем у виска и, обиженно скрестив руки, садится в свою серебристую «Ауди» – дожидаться, пока виновник происшествия успокоится. Теперь Брюно втолковывает девушке из пикапа, что она слишком рано выехала на его зеленый свет.

Он автоматически заглушил двигатель, и Нина мерзнет в машине. На улице такой сильный ветер, что гнутся ветви кленов, он сдувает с них последние яркие листья, и спор за окном быстро стихает.

– Почему мне так не везет? – говорит Брюно, возвращаясь в машину с волной ледяного воздуха, и устало прикрывает глаза.

Нина молчит. А потом начинает выкладывать свои логические размышления. На самом деле она просто рада пропустить контрольную, сегодня любое промедление ей подходит. А Брюно слушает и думает: «Какая она умная, как философски умеет взглянуть на жизнь, а ведь и правда, чего я завелся? Куда мне спешить? Это просто железо».

Конечно, виновата Нина. Оставила приоткрытым окно, и, когда я выпускала Рин Тина гулять, сквозняк сбросил с подоконника фото в рамке. А я даже не представляю, где у нас пылесос, и вот теперь стою на коленях посреди Нининой комнаты, собираю осколки. В разбитой рамке фотография, на ней пятилетняя Нина с бабушкой на лестнице к пляжу в Биарриц. Кажется, отец сделал снимок. А нет, ошиблась – его уже не стало. Так кому же игриво улыбается бабушка? Ветер надул подол платья, видны колени («Я – как Мэрилин Монро», – повторяла, глядя на снимок, мама). Нина сжимает левой рукой плюшевую обезьянку, другой – бабушкину ладонь и хохочет. Почему они такие счастливые? Со мной Нина серьезная. Спокойная.

Снова «Полет валькирий». «Я не готова», – говорю телефону вслух и выключаю звук. Ай! Колет! Осколок впился в указательный палец, кровь. Альма оглядывается в поисках мусорного ведра. Интересно, где его прячет Нина? И что у нее за новая причуда – занавешивать зеркала? Где и что она вычитала на эту тему? Присмотрелась внимательно, не осталось ли еще осколков. Наклонила голову и увидела за коробкой с куклами уголок зеленой тетради. Вытащила неуверенно.

«Папа и Альма, если вы нашли эту тетрадь кислотного зеленого цвета, немедленно положите ее назад!» – предостерегающе вывела на первой странице Нина. Альма улыбнулась, показала ей язык и захлопнула тетрадь, сложила осколки в носовой платок. А потом, как в детстве, села на широкий подоконник, облизала порез.

Над батареей тепло, я сижу, как в детстве, на подоконнике и смотрю на серость за окном. В детстве это была моя комната, за стеной – сестры, но теперь там гардеробная, которая разделяет комнату Нины и нашу спальню. Подмерзло, слякоть на дороге постепенно превращается в гололед. Вижу, как пес не спеша бредет к беседке у зеленых стрел тиса, огляделся и прыг

в мое плетеное кресло на подушки. Понимаю, Рин Тин, и я бы в такую погоду не стала уходить далеко.

Вижу, как выходит из дома соседка. Длинное белое пальто, элегантная шляпа, две борзые на поводке. Каждое ее движение – легато и плавность. Я ничего о ней толком не знаю, кроме того, что Мари живет в доме одна, но мое настроение, моя уверенность в своей женской привлекательности камнем бухают вниз. Рядом с такими женщинами чувствую себя просто школьницей, в форме и с морем домашки. Как им удается быть такими неспешными, а я даже за хлебом бегу всегда вприпрыжку, мое расписание всегда торопит, мои платья всегда проще и короче их томных подолов, и как бы я ни старалась научиться быть такой же, плохо выходит. Может быть, потому что скопировать нельзя, можно только стать самой, и тогда томность появится как приятный побочный эффект? Но откуда в моих движениях быть свободе, если ее нет внутри? Не уверена, что хотя бы неделю я делала то, что хочу сама, жила так, как решила. Преувеличиваю, наверное. Но такое уж сегодня настроение, остается его принимать. Вот любопытно, что Мари делает, если проспала и опаздывает? Отменяет встречи? Бегом принимает душ? Она уж точно не ходит к психотерапевту, как я, не ведет утренние страницы. Соседка давно скрылась за живой изгородью, а я все еще мысленно следую за ней. Вот ведь наградила же меня природа таким прилипчивым умом.

Я тоже вела дневник в возрасте Нины. Описывала череду похожих школьных дней, радость и яркие, как вспышки фейерверков, поездки на гастроли с родителями, жалобы на сестру, главы из любимых книг. Куски. Однажды в письме к сестре (Елена болела ангиной и осталась с няней дома) я переписала кусок из запретной книги Андре Моруа. Ту часть, где героиня описывает воспоминания первой ночи с любовником. Щеки пылали, когда перечитывала. Сама поняла, что отсылать письмо сестре не стоит, разодрала листок в клеточку и выбросила.

Вечером, когда папа уехал в театр (кажется, давали «Мадам Баттерфляй»), мать пришла в ярость, швырнула в лицо клочки. Кто бы мог подумать, что мама роется в мусорках? Как же она орала своим хорошо поставленным голосом! Весь отель сбежался на представление, нам в номер стучали. Невозможно было убедить маму, что письмо – только выдумка. Причем чужая. Когда я показала текст в книге, мать вышвырнула том за дверь номера вместе с мусорным ведром и бушевала, пока не сорвала голос. Ушла в свои комнаты. Из-под ее двери запахло валерьянкой.

Ночью, когда все уже спали, я выглянула тихонько в коридор, но не увидела ни урны, ни книги. Положила дневник в раковину и включила воду. Теплая струя смывала чернильные буквы, слезинки разной интенсивности синего стекали в канализацию.

Девочка стояла и завороченно смотрела, как ее тайны перемещаются в безопасное место.

Но одним криком до рези в ушах, до головной боли воспитательный процесс не закончился.

На книжных шкафах появились уродливые замки. К ним, правда, подходил маленький ключик от почтового ящика. Получив дом в подарок, первым делом я велела выбросить книжные шкафы и заменить их открытыми полками, купила новый томик Андре Моруа.

Альма вздохнула и провела пальцем по холодному стеклу и вдруг снова показала язык и сама себя испугалась. Конечно, мать была права. Когда Альма выросла и перечитала роман, она согласилась: маленьким девочкам не стоит открывать слишком рано французского сочинителя. Где-то внутри щемило, однако Альма и сейчас верила: пусть слишком громко – таков уж ее темперамент – но мама желала ей добра.

Дневник Нины она раскрывать не стала. Ни сегодня, ни раньше, когда натыкалась на тайные тетрадки девочки, мачеха не позволяла себе прочесть ни страницы. Как ни любопытно, но все же не хотелось хоть в чем-то походить на мать. «Нина – хорошая девочка», – подумала Альма.

Она застелила кровать Нины и спустилась в гостиную. Пришла СМС от матери: «Я не смогу быть на спектакле у Ниночки. Мы играем в бридж тем вечером. Перезвони! Мама».
«Мама, – повторила я вслух. – Ма-ма».

– Нина, раз в школу мы все равно опоздали, поехали выпьем кофе, – неожиданно предлагает Брюно, и дочка смотрит на него во все глаза. Обычно ее отец говорит, что школа – это самое важное в жизни Нины, странно.

– Ты не заболел? – спрашивает девочка и трогает его лоб рукой. – Ты дрожишь, как Рин Тин, когда, помнишь, выпало много снега и он прыгал по сугробам. Ты горишь!

– Брось, Нина, тебе показалось, – поморщился Брюно, высматривая парковочное место. – О, старушка как раз уезжает.

Фрау с идеальной укладкой, в перчатках леопардовой расцветки, туфлях-лодочках и норковой шубке долго дергается вперед-назад, пока выбирается с парковки, кто-то небрежно и криво припарковал рядом с ней легкомысленное желтое купе.

Нина прикидывает, что и на вторую пару она уже счастливо опоздала. Они стоят с аварийкой на одной из центральных старых узких улочек города. Витрины и даже фонари украшены к Рождеству, прохожие спешат по своим делам, кутаясь в воротники от порывов ветра.

– С двумя разбитыми бамперами нам ничего не страшно, – ухмыляется Брюно и припарковывается в узком проеме.

Нине приходится вылезать на улицу через его дверь. Ничего, однажды папу так заперли на паркинге в Монако, что ему пришлось залезать в машину через багажник.

В Starbucks пахнет свежемолотым кофе и корицей. Здесь так тесно расставлены между мешков с зернами кресла и столики, что в будни можно слушать секреты и интриги чиновников Евросоюза, а в выходные – о чем говорит высокий парень с модной бородкой и татуировкой в форме стаи летящих птиц с девушкой в белой рубашке. Но сейчас парня нет. «Наверное, на работе», – думает Нина. Он ей нравится, и она слышала, как он говорил, что целыми днями смотрит дублированные фильмы в кинозале офиса, проверяет, верно ли приклеили субтитры. А девушка сегодня в толстом сером свитере, читает что-то на экране компьютера и одновременно отвечает на бесконечные СМС. «И мне что ли запостить фотку в сторис? Ой, а если Альма увидит?»

В кафе часто можно пощекотать за шоколадную пятку младенца, спящего в пестром слинге на спине у улыбчивой молодой мамы, у которой много браслетов на руках, и они мелодично позванивают, когда она берет свой ванильный мокко. Она напевает малышу по-французски, если тот капризничает. Но это летом, зимой даже шоколадные пяточки спрятались в шерстяных носках. А улыбчивая мама – теперь продавщица в лавке сувениров за углом. С кем сейчас ее малыш?

Пока они ждут, Нина помогает разобраться с бумажной картой паре из Швейцарии на стройном немецком. В Люксембурге подданные говорят на четырех языках: немецком, французском, люксембургском и английском. Потому что домашний язык – люксембургский – как глинтвейн из французского и немецкого, когда слушаешь, кажется, фразу начали на французском, а в середине вдруг перешли на высокий немецкий. На нем же выходят национальные газеты и вещает телевидение, на французском выдают документы, работают суды и парламент. Английский учат за компанию, легко еще в детстве, когда смотрят с субтитрами мультфильмы и фильмы. Удобно, правда?

Нина удивляется, что у пары только кнопочные телефоны, но легко рисует в их бумажной карте маршрут к катакомбам, в которых жители Люксембурга прятались при оккупации во время Второй мировой. Брюно смотрит на дочь и гордится ее приветливостью, и воспита-

нием, и мелодичным голосом, и сутулыми плечами, и даже родинкой у левого уха гордится. А Нина почти в панике, так долго ее благодарят и жмут руку. Ее спасает бариста:

– Нина, привет! Отличная черная сумка к черному платью. Как ты?

Бариста помнит имена всех постоянных гостей, он любит улыбчивых девушек и умеет делать приятные ни к чему не обязывающие комплименты. А когда допиваешь свой кофе до последней капельки, видишь на дне чашки маленькое алое сердечко.

Отец и дочь любят это кафе и называют его «наше», а туристам оно нравится по причине высокого рейтинга в TripAdvisor. Девушка в белоснежной рубашке любит за то, что познакомилась здесь с инвестором своего стартапа. Пара швейцарских туристов – потому что замерзли на холодном ветре. У любви много путей.

Однажды Нина была в Нью-Йорке с бабушкой, и с тех пор Люксембург стал казаться ей Большим Яблоком, только без небоскребов. В выходные дни столица великого герцогства, как в сказке, складывается и превращается в обычный уездный город. Зато с понедельника по субботу каждый день в офисы и на завод, в магазины, отели и склады по утрам приезжает почти четыреста тысяч голландцев, немцев, французов и бельгийцев. Вечером они возвращаются домой, а утром снова едут в великое герцогство. Потому что в Люксембурге много работы и за нее платят больше, чем в странах-соседях. Разве не об этом экономическом чуде мечтала герцогиня Шарлотта, когда не могла даже полено бросить в камин во дворце? Разве не об этом мечтали чиновники Люксембурга, когда придумали Евросоюз? Что такое Люксембург, если он перестанет быть одной из трех столиц Европейского Союза? Одним из пяти финансовых центров мира? Останется только городок в горах и так мало подданных, что ими едва хватает укомплектовать все посольства в разных уголках мира. Вместе с людьми из разных стран в великое герцогство текут разные культурные коды, иностранные языки и терпимость к другому. За это широту и любит Нина герцогство, но она такими словами, конечно, думает, только если отвечает на уроке у доски.

Если бы Альма узнала, что Брюно и Нина легкомысленно сговорились опоздать в школу, она бы расстроилась, но не удивилась. Ей кажется, муж расхолаживающе действует на девочку. Нина начинает думать, что уроки и экзамены не важны, часто жаловалась в последнее время она утренним страницам.

Если бы Альма случайно оказалась рядом, когда довольный Брюно с радостью покупает крепкий кофе, он бы смутился, но не подал вида. Ему кофе нельзя, но ведь об этом еще никто не знает. Приятно было бы чувствовать Альму рядом, напоить горячим. Вот только чем? Горячей водой? Кофе Альма недавно пить перестала. Говорит, от него только уровень гормона стресса в крови повышается и сердцебиение учащается. Брюно думает, что жена так изменила привычки в еде, что он больше не знает, чем ее можно обрадовать. Даже сахар и горький шоколад в их доме под запретом.

– Два свежесваренных, как обычно? – подмигивает им кассирша.

– И пряничного человечка.

– И парочку шоколадных трюфелей.

Звенит колокольчик на входной двери, и вместе с холодным порывом ветра быстро входят двое полицейских. В маленькой кофейне становится совсем тесно, по-домашнему, когда все сидят друг у друга на головах, но все рады. Те привычные мгновения, пока отец и дочь стоят у кассы, едва соприкасаясь рукавами курток. Нина зевает и думает, что ей сегодня сопутствует настоящая удача. Это же надо – пропустить контрольную и пить кофе вместо того, чтобы сидеть на уроке биологии! Лучше может быть только вернуться домой и залечь сладко спать прямо в школьной форме! Но там ведь правильная Альма, бэ-э-э!

Нина нетерпеливо переминается с ноги на ногу и вспоминает скучный вчерашний урок у новенькой мисс Мин. Застенчивая учительница почему-то выбрала ее одну, чтобы доказать всему среднему классу, что под ее управлением даже любители мертвых языков усвоят алгебру

на твердое «отлично». Девочка грустно вздыхает. Полицейский хочет строго спросить, почему она не в школе, но замечает Брюно и передумывает.

Когда Нина согревается, она начинает мечтать, как вырастет, будет писательницей и станет сидеть в этом кафе у огромного окна, подсматривать за гостями в глубине зала и писать о них короткие истории. Или нет, не так. Пусть она станет оперной певицей, как бабушка, и будет жить между Венной и Нью-Йорк Гранд Опера, Парижем и Ковент-Гарден. Наряды, гастролы, поклонники. Да, пусть лучше будет так.

Если бы Нину настойчиво попросили придумать иллюстрацию к школе, она бы, не задумываясь, быстро нарисовала себя хрупкой девочкой на скользком стеклянном шаре. Приходится быстро-быстро перебирать тонкими ногами, чтобы не свалиться и не попасть со страхом под тяжелый шар. Несколько раз в год во время коротких каникул гадкий шар будто замедлял требовательный бег, почти останавливался, качнувшись, и она могла перевести дух, но затем ускоренный бег начинался снова. Объяснять образами девочку научил тощий логопед, который пах мылом и сигаретами.

– Берите-берите в губы короткий карандаш и пишите в воздухе свое имя, Нина, вот так. Отлично!

Строгая Альма самоотверженно приводила ее на занятия трижды в неделю, между вторым завтраком и обедом, вела за руку через парк, где ветер гонял по влажному асфальту сухие листья, потом – снежную крупу. Нине нравилось, когда весной на тропинках появлялись липкие кленовые носики – семена деревьев. И ни разу за год занятий мачеха не оставляла Нину вдвоем в кабинете с доктором. На всякий случай.

Брюно тянет Нину к окну. Его несколько не раздражает, что кофе тут всегда приходится терпеливо и долго ждать. Хозяйка зала движется уверенно, но нерасторопно. Слишком громко звенит допотопный кассовый аппарат. К этому он привык. Они бывают тут с Ниной почти каждые выходные с тех пор, как открылась тесная кофейня. Здесь уютно и всегда есть на кого поглазеть, чтобы не придумывать темы для разговоров, ему легче молчать. Раньше Нина долго студила и осторожно пила черный чай, робко дула на горячее, болтая ногами под столом. С тех пор дочь выросла почти вровень с ним и стала гораздо выше старенькой кассы. А раньше ей приходилось тянуться, привставать на цыпочки, чтобы сделать заказ.

Наконец заказ готов, и вначале они просто пьют обжигающий кофе. Брюно смотрит на Нину и радуется, что у него всегда было достаточно времени, чтобы наблюдать, как растет дочь. Ведь она больше не будет учиться неуверенно, а потом и быстро ходить. Если и посмеется над фокусом «отрезанный палец», то только из вежливости, а жаль. Давно сердито не плюется брюссельской капустой.

Улыбчивая кассирша почему-то именно зимой, в канун Рождества, особенно сильно завидует жене Брюно, невольно подслушивает разговоры отца и дочери, но чаще – согласное молчание. Сегодня у Брюно есть и свои особенные причины для сентиментальности. Кроме того, летом тело Нины сделало кульбит, и она вернулась из лагеря с сороковым размером ножки и обозначившейся под свободными футболками грудью. Девочка начала сутулиться. Покрасила волосы в цвет вороньего крыла, стала носить только черное. Перемены смущают их обоих, но привычные ритуалы спасают от неловкости.

– Ну рассказывай, Нина, что значат твои занавешенные простынями зеркала. Бери мой трюфель тоже, я не хочу.

– Разве не знаешь? В Средние века люди верили, что зеркало придумал дьявол, что оно может утащить у тебя душу, не смейся, не смейся, а ткань защищает меня, если зеркало снять в ванной нельзя.

– Я слышал только, что у славян есть традиция закрывать зеркала черными тканями в первые три дня, когда в доме покойник.

– Если зеркало разобьется, с его хозяином случится беда. А еще зеркала нельзя вешать у кровати.

– Можешь просто испугаться своего отражения, понимаю.

– Если честно, мне не нравится видеть свое отражение. А причесаться можно и так, накраситься, глядя в зеркальце пудры, пап.

И Брюно не спорит, он помнит, как стеснялся своего лица и растопыренных ушей, когда был в возрасте Нины. Но потом эти уши нашла симпатичными Альма. «Они как у Эйнштейна», – сказала она, и Брюно полюбил свои уши. Поэтому сейчас он не спорит и решает, что теперь просто станет чаще хвалить дочкины волосы, и улыбку, и походку, и странные черные наряды тоже. Он мечтает, что однажды Нина вырастет и станет уверенной в своей красоте девушкой. Неважно, как она будет выглядеть, но будет чувствовать себя красавицей и останется жить в Люксембурге, ведь нет места в мире лучше. Разве ему, мальчику из страны, которой, к счастью, больше нет, этого не знать. Пусть Нина никогда не узнает, что такое дефицит.

– Птица моя, скажу тебе по секрету, Альма попросила меня уговорить бабушку прийти к тебе на премьеру. Расскажи, какую пьесу вы ставите, какую роль в ней ты играешь, чтобы у меня были аргументы.

– Скажу по секрету, бабушка давно знает, о чем спектакль, – подражает его тихому голосу дочка. – Она сама выбрала пьесу и рассказала, что мне нужно отдать главную роль руководителю кружка. Знаешь, как он на нее смотрел?

И Брюно хмыкает и сдерживает улыбку, потому что за этим «как смотрел» может прятаться что угодно, от восхищения до ужаса. Он удивленно округляет глаза.

– Он сказал, что оценил ее выбор и вообще ценит ее вклад и все такое. А потом отдал мне роль.

– Кого же ты играешь, Нина?

– Ласточку. Ласточку в пьесе «Счастливый принц» Оскара Уайльда.

– Он такой депрессивный и романтичный.

Но Нина не слушает. Она теперь говорит громко и помогает себе жестами, широкими, плавными, бабушка научила.

– Жил-был принц в одном королевстве, и родители так его любили, что ограждали от всех страхов и печалей. Принц не знал, что существуют горе и болезни, все они случались только за стенами его замка.

– Прямо как история Будды, – Брюно барабанит пальцем по стакану с кофе.

– Не перебивай! Принц состарился и умер, и на главной площади ему поставили статую из золота и драгоценных камней. Статуя была живая, она все видела и понимала, и тогда принц узнал, какая жизнь в его королевстве на самом деле. Он грустил, но сделать ничего не мог.

– Почему?

– Он же статуя, папа! И вот однажды под его шляпой свила гнездо ласточка. Внимание, ласточка – это я, – прижала ладони к груди. – Я буду много танцевать на сцене, как научила бабушка. Принц заметил ласточку и сказал: «Милая птичка, возьми, пожалуйста, рубин из моего посоха и отнеси его бедной швее в гетто, у нее умирает сын и нет денег купить ему апельсинов».

– И ты отнесла?

– Отнесла, но вначале рассказала, что вообще-то у меня мало времени, уже поздняя осень и мне пора лететь к подругам в Египет, загорать на жарком солнышке, – и Нина увлеченно перемещает стакан с кофе по столу, на котором так кстати изображена карта мира.

– Ага, а потом?

– А потом принц попросил отнести сапфир из его левого глаза поэту, который не может подарить букет фиалок любимой и дописать пьесу, так он беден, и теперь никто не узнает, что поэт талантлив.

– И ты отнесла? – Брюно скрестил руки на груди, кивает в такт рассказу.

– Конечно, что с принцем делать? И задержалась так еще на день. Потом второй глаза-сапфир отнесли девочке, которая торговала спичками и уронила коробок в канаву, чтобы отец-пьяница не бил ее вечером. А потом ласточка носила золотые листочки с позолоты статуи всем бедным детям в королевстве, чтобы они не замерзли под мостом и не умерли от голода.

– Мда уж, классическая рождественская история... А потом?

Нина кивает и увлеченно дирижирует пряничным человечком.

– А потом ласточка стала глазами статуи, ведь он отдал свои глаза-сапфиры. И однажды ночью стало так холодно, что ласточка просто замерзла на лету и упала к ногам счастливого принца.

– Ох, Нина, какая грустная история!

– Да ладно тебе! Типичная рождественская пьеса, ты сам сказал, чтобы все плакали. К тому же и статую решили переплавить на металл, поскольку она стала такой некрасивой. И вот рабочий заметил, что вся статуя расплавилась, осталось только сердце принца. Он выбросил сердце на свалку, и оно упало как раз рядом с тельцем ласточки. Мальчишки, которым птица помогала, узнали ласточку и похоронили ее в одной могилке с сердцем счастливого принца. Из нее выросло высокое дерево, на котором весной стали селиться птицы, как обычно в сказках, ты знаешь. Только мы не покажем все это, и финал будет на том моменте, когда замерзшая ласточка упала к ногам статуи счастливого принца. Папа, ты плачешь?

– Конечно, нет, Нина. Глаза слезятся после ветра. Так ты играешь ласточку?

– Да! И бабушка сшила мне костюм у костюмерши оперы, ты представляешь? Она привезет его в день премьеры. И еще она подарила мне ландыши, вот смотри.

Нина долго роется в сумке и достает брошь с ландышами из розовой эмали в россыпи мелких бриллиантов, которую она завернула в бумажный носовой платок и положила в коробку для завтраков.

– Бабушка сказала, что эта брошка всегда приносила ей удачу на премьерах.

Брюно вертит брошь в руках и надеется, что никто не догадается, что бриллианты настоящие.

– Давай не будем пока говорить о броше Альме?

Нина пожимает плечами.

– Бабушка тоже советовала не говорить. Знаешь, я хочу быть, как бабушка. Она такая... такая... даже не знаю, как объяснить.

– Понимаю.

Брюно хорошо знает, как привлекательны яркие талантливые люди и каким жалким выглядит в этой известной семье он сам. Пусть он и старается изо всех сил, его усилий всегда мало, потому что ожидания велики. Ведь люди, безжалостные к себе, ужасно требовательны и к другим, а что ему им предложить, если его в детстве не поцеловала муза, не одарила ласточка. Да и Альма мается, чувствует, что не реализовалась, а все потому, что выросла на сцене, среди особенных людей, которых она привыкла считать обычными. Взять даже любимую детскую книгу Альмы – «Мэри Поппинс». Жена до сих пор отказывается верить, что Мэри волшебница, а не обычная няня. Знает книгу наизусть, а волшебство пропустила, не заметила, когда читала, и ждет теперь от нас всех совершенства, а у меня вот нет волшебной палочки. Но об этом Брюно дочери не говорит. Он начинает собираться и будто бы промежду прочим произносит:

– Знаешь, я еще хотел тебя попросить... Точнее не я, а мистер Патерсон. Тот, который руководит вашим школьным театром, Нина. Прости меня, но он говорит, ему неловко, что ты посылаешь ему любовные послания в открытках... А у мистера Патерсона жена, двое мальчишек... Мне неловко, Нина, тебя просить, но ты знаешь... Ты понимаешь, мужчины и уче-

ницы – это всегда так деликатно. Он высоко ценит твой музыкальный дар и танец, но если так и дальше...

Оба молчат и стали красными, как шары на елке у окна. Не смотрят друг на друга, избегают взгляды других людей в кофейне. Скорей на улицу!

– Я понимаю, – выдавливает Нина. – Пойдем, па. Мы же опаздываем.

Они многое еще хотят сказать друг другу, но не знают, с чего начать, не могут выбрать слова. Брюно рад, что они так удачно припарковались, долго ходить у него нет сил. Когда парочка выходит из кофейни на холод, Брюно предлагает:

– Посчитаем светофоры, как раньше?

– Я и так точно знаю – их шесть до школы и еще один сломанный, прямо перед поворотом к бабушке.

– Ладно, тогда что будем считать? Собак?

– Елки! Давай елки в витринах. Неделя до Рождества, – подыгрывает Нина.

А я смотрю на эту приторную парочку – неудачника Брюно и его незаконнорожденную дочь – и чувствую, как волна гнева и тошноты подкатывает к горлу. Ненавижу. Особенно Брюно. И глупую Нину тоже. Избалованные жалкие люди, которые думают, что страдают, а на самом деле живут в пряничных домиках, в пряничном королевстве.

Глава 4

Элеонор остановила водителя катафалка около салона красоты. В этот раз обошлось без церемоний. На кремацию, кроме нее, никто не пришел, и вдова решила сэкономить на лимузине, села рядом с водителем. А что тут такого? Пора учиться считать деньги.

Она уверенно поднялась по трем ступенькам, вошла в знакомый зал с уже открытой бутылкой шампанского. По ходу сбросила шубу в услужливые руки хозяйки салона.

– Роза, выпей со мной за Гаральда! Он только что стал пылью.

Роза хихикнула и пошла за бокалами. За четверть века знакомства она привыкла к чудачествам бывшей оперной певицы и даже считала ее визиты рекламой своему заведению. «А еще у нас бывает Элеонор Айзен, помните ее в арии Тоски?» Посетительницы обычно не помнили, и в этом месте Роза многозначительно подмигивала или закатывала глаза (в зависимости от возраста клиентки) и шла ставить единственный диск, где, среди прочих, молодая Элеонор пела *Vissi d'arte*. «По мне, так Элеонор поет Тоску эмоциональней, чем Мария Каллас», – всегда добавляла Роза.

– Скучно ехать в церковь каждый раз после похорон. А я сломала ноготь, – уже жаловалась Элеонор маникюрше и по-детски морщила носик. – Давайте выпьем шампанское, поплачем и сделаем меня снова красавицей.

В понедельник клиентов всегда немного, и сегодня, кроме Элеонор, в кресле сидели лишь двое – девушка пришла покрасить отросшие корни и соседка Розы забежала в обеденный перерыв выщипать брови. Аудитория более чем камерная, но Элеонор сейчас нужна публика, и она начала выступление без прелюдий.

Не стесняясь сняла чулки, жестом показала Розе поставить шампанское на столике рядом и садиться слушать. Взгромоздилась в кресло для педикюра («Давай уж заодно и на ногах ногти перекрасим?») и отдала свои руки и ноги двум мастерицам.

«Интересно, ее волосы натуральные или окрашенные?» – подумала девушка, которая сидела в кресле у парикмахерши и теперь старалась найти в каталоге образцов с красками такой же пепельно-белый оттенок, как у старухи. Но даже мысленно называть Элеонор старухой не хотелось. Она сохранила изящество, ее не портили ни полные плечи, ни круглый живот под черным шелковым платьем. Да, артрит искривил когда-то тонкие пальцы, но разве мы выбираем болезни сами? Может быть, причина ее привлекательности крылась в тонких щиколотках и запястьях, безупречном овале лица? Или в холодном блеске серых глаз? Она смотрела внимательно и равнодушно, как птица.

«Интересно, можно сохранить такое лицо без операций?» – соседка Розы смотрела искоса в зеркало, как Элеонор быстрыми точными движениями снимает кольца с большими камнями, и решила, что в этот раз она точно попробует новую диету, Дюкана, например. Ну есть же женщины, которые и в старости хороши, явно без диет не обошлось, однако спросить напрямую она смущалась.

Громко, хорошо поставленным голосом, Элеонор начала историю, не обращаясь как будто ни к кому в светлой теплой комнате и сразу ко всем. Она смотрела прямо перед собой в огромные окна салона красоты на ветви старых каштанов, на серое равнодушное небо, по которому ветер быстро гнал низкие облака. Она сказала:

– Влюбиться можно в любом возрасте, верно? Чем старше становишься, тем лучше секс (женщины захихикали). Жаль, в юности я этого не знала, – и она обвела царственным взглядом всех по очереди. Выдержала паузу, допила шампанское в бокале. – Но я хочу рассказать вам не про Гаральда. Он был обычной второй скрипкой в оркестре и любил меня, разумеется, но так, как любит свою жену сапожник. А Элеонор не жена сапожника.

Она налила еще, себе и Розе.

– К 35 годам я уже была примой нашей оперы, мужчины прохода не давали, статьи о моих романах были во всех таблоидах великого герцогства. Хорошо, что мы не в Великобритании, иначе репортеры сутками бы дежурили в кустах вокруг моего дома. И я, не скрою, мужчин любила, но так – шутя, не всерьез, я будто кого-то ждала.

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Моя любовь – моя блестящая преподавательница, старшая наставница, которая научила меня и дышать, и двигаться, не сбиваясь с голоса на сцене, звонила из Парижа и жаловалась, что ее деточка окончила консерваторию, но в оркестр оперы не взяли, и вот он мается, играет в барах по ночам, позор всей семьи, а главное – решил жениться. Мишель просила разрешение прислать Антуана ко мне на пару недель, хоть концертмейстером, чтобы посмотрел наш театр. «Возможно, он сможет остаться, чтобы остыло желание жениться», – просила подруга. Я вздохнула, но согласилась. На самом деле она столько раз выручала меня советами, что отказать рот не открылся.

– Роза, налей всем выпить и пошли кого-то за новой бутылкой. Вы ведь не против, дамы?

Женщины радостно согласились, закивали. Нечасто на обед им предлагали представление, да еще и с шампанским. Когда педикюрша закончила шуметь с ее пятками, вторую бутылку разлили, Элеонор опустила ноги в горячую воду и продолжила:

– И вот я оформила липовое приглашение на прослушивание в наш оркестр неизвестному мальчику, который грозил испортить мне единственный свободный от гастролей месяц лета. Сезон закончился, и его волнения совершенно меня опустошили. Хотелось тишины, отсутствия новостей, длинных прогулок под руку с мамой, кофе с молоком на балконе по утрам, ужинов на верандах под небом ночью и забыться, выдохнуть, читать и даже репетиции подвинуть. А тут какой-то незнакомый мальчик летит в мой дом. Мысль об этом подпорчивала настроение, но я утешала себя, что недели пролетят быстро.

Роза покачала головой в такт словам, она знала эту историю. Женщины в комнате внимательно слушали.

– И вот я в аэропорте. Но ко мне подходит совсем не мальчик, а рыжеволосый красавец, и я озадаченно смотрю на его веснушки снизу вверх и жалею, что не накрасилась. Резко захотелось стянуть джинсы, носить платья и показать Антуану Люксембург. Но я держала себя в руках, я же была взрослой умной женщиной 35 лет. Между нами 11 лет разницы, но я прекрасно видела интерес в его глазах. «Это сын твоей лучшей подруги, твоего педагога», – напомнила я себе, когда поймала взгляд Анту в зеркале в лифте на парковке.

Клянусь, я старалась даже не улыбаться, чтобы не провоцировать. Я продолжала носить расклешенные джинсы, как все мы носили в 70-е, красила только ресницы и представляла, что приехал племянник. И были дорога вин с кассетой, на которой Джейн Биркин и Серж Генсбур занимались не пением, а сексом с помощью музыки, и катакомбы, и парки на великах, посиделки в кафе, и вечеринки у друзей в галерее, мы даже в замок на экскурсию ходили. Мы так много смеялись! Я почему-то вспоминала свои 20 лет. Какой сложной я тогда была, как спешила жить. Ведь мы познакомились в 70-е, а не сейчас, когда женщины до 40 считаются юными девами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.